священник
Сергей Кауди

О присутствии и соединении

Мистический трактат

De Praesentia et Unione

священник
Сергей Кауди

О присутствии и соединении

Мистический трактат
о Боге и Человеке

De Praesentia et Unione

Life for God

lifeforgod.church

Сан-Франциско
2026

Не через постижение, но через присутствие.

В НАЧАЛЕ

Эта книга — о человеке как месте Божественного присутствия.

Различие между Богом и Творением не означает разрыва. Бог не становится частью мира, и мир не остаётся вне Его присутствия. Как человек может принять это присутствие и жить им — вопрос, из которого разворачивается трактат.

Слова «место», «вместимость», «прозрачность» и «дыхание» помогают приблизиться к этому вопросу. Они не исчерпывают того, на что указывают. Их смысл раскрывается постепенно, в движении от главы к главе.

Эти страницы требуют неспешного внимания. Иногда строка просит остановиться. Иногда к ней приходится вернуться, чтобы услышать больше, чем было понято вначале.

Глава 1

О ЧЕЛОВЕКЕ
КАК МЕСТЕ ПРИСУТСТВИЯ

Бог есть
не как сущее среди сущих
и не как причина среди причин,
но как Абсолют,
выше бытия и небытия.

Он не заключён в Творении,
ибо не ограничен им,
и не находится вне Творения,
ибо нет места,
где Его не было бы.

И всё же тварный мир,
будучи тварным,
не вмещает Бога
как тварное
не вмещает нетварного.

Отсюда возникает тайна:
Бог всепроникающ,
и вместе с тем
мир может не знать Его.

Не потому,
что Бога нет в мире,
но потому,
что присутствие ещё не стало
свободно принятым
и явленным изнутри.

И тогда Бог творит человека.

Не как необходимость для Себя,
ибо Абсолют не нуждается,
и не как дополнение к полноте,
ибо полнота не увеличивается.

Но человек создаётся
как образ и подобие,
чтобы Творение, не способное
вместить нетварное по природе,
могло свободно принять
и явить Его присутствие.

Человек принадлежит миру
и стоит в мире
как часть Творения.

И вместе с тем
он не исчерпывается миром,
ибо носит в себе образ Того,
Кто выше мира.

В человеке Бог
не становится тварным,
и человек не становится Богом
по сущности.

Но в человеке
трансцендентное становится явленным,
а имманентное — узнанным.

Ибо Бог присутствует в мире
не как часть мира,
а как Тот,
Кто может быть узнан.

Если бы не было человека,
Бог был бы
не менее Абсолютом,
но мир оставался бы безгласен.

Ибо Абсолют
не утрачивает Себя,
когда не познаётся.

Но мир остаётся без ответа,
когда в нём нет того,
кто способен свободно принять
и явить присутствие.

И потому путь человека
не есть путь приближения Бога,
ибо Бог не далёк.

Это путь очищения вместимости.

Когда человек становится тем,
кем он был создан быть,
Бог не приходит
и не уходит.

Он просто
перестаёт быть скрытым.

И тогда Абсолют
остаётся Абсолютом,
и мир — миром,
и между ними
нет больше разрыва.

Ибо разрыв был
не в Боге
и не в мире,
а в самозамкнутости человека,
в котором самость
ещё заслоняла
образ Божий.

Глава 2

О ХРИСТЕ
КАК ПОЛНОТЕ СОЕДИНЕНИЯ

То, что было положено
в человеке как образ,
в нём же оставалось
неисполненным.

Ибо человек был создан
как вместимость,
но не как мера полноты.

Он мог принять,
но не мог собственной мерой
сделать соединение совершенным.

Ибо тварное,
даже став прозрачным,
остаётся тварным,
и образ не есть полнота.

Поэтому соединение,
заданное в человеке,
не могло завершиться
одним восхождением человека.

И тогда Бог делает то,
чего человек сделать не может.

Слово становится плотью.

Не потому,
что Богу недоставало мира,
и не потому,
что Абсолют изменился,
но потому,
что Сам Бог открывает в Творении
то соединение,
которого никакая тварная мера
не могла произвести.

Во Христе
Бог не входит в мир
как часть мира
и не покидает
Свою трансцендентность.

Он выше мира,
оставаясь в мире,
и в мире —
не переставая быть выше мира.

Ибо во Христе
нет смешения сущностей
и нет разделения присутствия.

Бог остаётся Богом,
человек остаётся человеком,
и в Нём
разрыв перестаёт быть разрывом.

Если человек был создан
как возможность соединения,
то Христос есть
соединение,
ставшее действительностью
не человеческим восхождением.

Христос —
не символ,
не образ среди образов,
но основание
и полнота образа.

Ибо в Нём
трансцендентное
не теряет высоты,
а имманентное
не теряет реальности.

И потому Христос
не есть пример того,
чего человек
может достичь сам.

Он есть полнота,
в которой человеческое
раскрывается до конца.

В Нём становится явным,
что человек был задуман
не как предел,
а как путь.

И если в первом человеке
образ был скрыт,
то во Христе
он стал светом.

И этот свет
не отменяет тьмы силой,
но делает её ненужной.

И потому путь ко Христу
не есть бегство из мира
и не есть растворение в Абсолюте.

Это возвращение человека
не к самому себе
как к источнику,
но к истине о себе,
открытой во Христе:
к тому,
каким он был мыслим
прежде основания мира.

И тогда Бог
не становится ближе,
ибо Он не был далёк.

И человек
не становится иным,
ибо он становится тем,
кем был создан быть.

И в этом
Абсолют остаётся Абсолютом,
и Творение — Творением,
и между ними
нет больше противоречия.

Ибо в воплощённом Слове
Божественное и человеческое
соединились,
не утратив различия, —
не восхождением человека,
но Воплощением Бога.

Глава 3

О ТЕЛЕ КАК ФОРМЕ ПРИСУТСТВИЯ

Слово стало плотью.

И потому плоть
не может быть оставлена
за пределами соединения.

Дух не принадлежит телу.

Но и тело
не принадлежит духу
как вещь.

Оно дано ему
не как вещь — владельцу,
но как Творение — хранителю.

Ибо невидимое в человеке
не становится видимым
без тела.

Без тела
мысль не становится словом,
милость — прикосновением,
а любовь — поступком,
вошедшим в мир.

Тело есть то,
через что человек
нераздельно принадлежит
видимому Творению
и Творение
становится частью его пути.

Поэтому дух
не презирает тело.

Он хранит то,
через что может
присутствовать.

Но хранить —
не значит подчиняться.

Тело изменяется,
требует,
страдает
и возвращается в землю,
из которой было взято.

Если человек следует
только его движению,
то данное ему
становится тем,
что им владеет.

И тогда порядок образа
оказывается обращённым:
невидимое служит видимому,
а дух становится пленником того,
что должен был хранить.

Но главенство духа
не есть насилие над телом.

Ибо насилие
не освобождает материю,
а лишь делает её
местом иной власти.

Дух главенствует,
когда принимает тело
не как собственность,
а как порученное.

Он не подавляет его,
но даёт ему направление.

Не отвергает его немощи,
но несёт её.

Не требует от него вечности,
но позволяет временному
стать местом вечного.

Так в человеке
открывается тайна присутствия:
то, что не исчерпывается материей,
становится явленным в ней,
не превращаясь в материю.

И материя,
не переставая быть материальной,
становится способной
нести невидимое.

Поэтому тело
не менее достойно,
чем дух.

Оно иначе.

Дух направляет.
Тело воплощает.

И только вместе
они образуют человека,
в котором трансцендентное
не становится частью мира,
но присутствует в мире
как жизнь.

«Моё»,
забывая Дарующего,
встаёт между духом
и телом.

«Моё»
желает присвоить
и дух,
и тело.

Но завершением власти духа
над телом
становится не торжество владеющего,
а исчезновение того,
кто называл себя владельцем.

Тогда тело
не становится ничьим.

Оно остаётся Творением.

Дух не становится безличным —
он перестаёт быть присвоенным.

И присутствие освобождается
от желания им обладать.

Здесь начинается свобода —
не распорядиться данным,
а принять его как данное.

Глава 4

О СВОБОДЕ И ГРЕХЕ КАК МЕРЕ ВМЕСТИМОСТИ

Свобода дана человеку
и проявляется в выборе,
но не исчерпывается
выбором между многим.

В своей глубине
она есть способность
вместить Истину
без принуждения.

Ибо Бог не входит силой,
и Абсолют не навязывает Себя.

Там, где есть принуждение,
нет свободной вместимости;
а там, где нет вместимости,
присутствие остаётся сокрытым.

Свобода есть не власть владельца
над собой и миром,
а открытость Богу.

И потому она не есть произвол,
но согласие быть тем,
чем человек сотворён.

Грех не исчерпывается поступком
и не сводится
к нарушению закона.

Глубже поступка
он есть стеснение вместимости.

Когда человек обращается к себе
как к источнику,
он не становится самодостаточным —
он становится замкнутым.

И самость
обретает плотность,
а человек
теряет прозрачность.

Не Бог отступает от человека,
но человек перестаёт быть
прозрачным местом присутствия.

И потому грех
не умаляет Бога,
но разрушает человека
как вместилище.

Это разрушение
не остаётся внутри.

Оно становится словом,
поступком,
равнодушием
и насилием,
от которых страдает другой.

Поэтому вина реальна,
и причинённое зло
нельзя назвать одной лишь
несоразмерностью.

Но корень вины глубже вины:
он в самозамкнутости,
из которой человек
делает себя мерой всего.

Чем более человек утверждает себя
как конечный центр,
тем менее он способен
вместить бесконечное.

И тогда Бог присутствует,
но не познаётся.

Он есть,
но не становится явленным
в человеческой жизни.

И это не месть Бога,
а следствие закрытости.

Свобода не уничтожается грехом,
но искажается.

Она становится возможностью
замкнуться от Бога,
вместо свободы
быть открытым Богу.

И потому человек остаётся свободным
даже в отпадении,
но его свобода
обращена против собственной полноты.

Во Христе
эта искажённая свобода
не отнимается,
но исцеляется.

Ибо Он не принуждает человека
быть вместительным,
но Сам становится
открытой до конца
человеческой вместимостью.

И грех тогда открывается
не только как вина,
но глубже —
как несоразмерность
тому, чем человек создан быть.

И покаяние
есть не отказ от ответственности
и не одно самообвинение,
а возвращение пространства,
в котором возможно изменение.

Когда человек перестаёт
держаться за себя,
исчезает не человек.

Исчезает тот,
кто называл себя центром
и владельцем.

И человек становится тем,
кто способен принять,
ответить
и отдать принятое.

Тогда свобода
перестаёт быть бременем выбора
и становится
покоем согласия.

И Бог не входит внезапно
и не покидает внезапно.

Он пребывает,
как пребывал.

Меняется мера того,
кто способен быть
местом Его явленности.

Глава 5

О ДУХЕ
КАК ДЫХАНИИ И ВМЕСТИМОСТИ

Дух Божий
не проявляется как предмет
и не познаётся как сущность.

Он не предстаёт человеку
как нечто внешнее
и не отделён от него расстоянием.

Но Дух, о Котором здесь сказано,
не есть человеческая глубина
и не есть высшая часть человека.

Он не принадлежит человеку.

Он есть Бог,
Который даёт жизнь
и остаётся неприсвоимым.

И потому Дух —
не то, чем владеют,
а Тот,
Чьим дыханием живут.

Как дыхание не удержать в ладонях,
и всё же без него
жизнь прекращается,
так и Дух не присваивается,
но без Него нет жизни в Боге.

Дух не прибавляет человеку
меры извне
и не вливается в него,
как вещество в сосуд.

Он открывает в человеке
способность быть сосудом.

Ибо вместимость
не есть объём,
а есть открытость.

Там, где человек замыкается,
Дух не удерживается,
но и не перестаёт присутствовать.

Он остаётся,
как остаётся воздух
вокруг того,
кто задержал дыхание.

Дух не нарушает свободы
и не действует насилием.

Он касается,
но не принуждает.

И потому Дух познаётся
не по внешней силе действия,
а по тишине,
в которой действие
перестаёт принадлежать действующему.

Где есть шум самоутверждения,
Дух не слышен.

Где есть страх пустоты,
Дух кажется отсутствующим.

Но там, где человек
осмеливается быть пустым,
Дух обнаруживается
как жизнь.

Ибо Дух не добавляет смысла,
а снимает лишнее.

Он не умножает образов,
но очищает зрение.

Он не отменяет сказанного,
но делает слышимым
то, что было сказано
и оставалось неуслышанным.

В Церкви Дух
не принадлежит множеству
и не растворяется в нём.

Он дышит там,
где есть согласие
в неприсвоении.

И потому Церковь жива
не одним числом
и не одной властью,
но Духом,
Который не принадлежит никому.

Дух не отделяет
Отца от Сына
и не превращает соединение
в безличную силу.

Отец остаётся Источником,
Сын являет Отца,
а Дух делает соединение
живым и неприсвоимым.

Но эти слова
не определяют Лиц
и не разделяют
единого действия Бога.

Они лишь указывают
туда, где язык
уже не может удержать тайну.

И потому путь человека
не есть путь обладания Духом,
но путь согласия
дышать.

Когда человек перестаёт
удерживать себя,
Дух не входит —
Он становится познаваем.

И тогда вместимость
перестаёт быть усилием,
становясь естеством.

И Бог не приближается
и не отдаляется.
Он пребывает как дыхание,
которым живут, не называя.

Глава 6

О ЦЕРКВИ
КАК МНОЖЕСТВЕННОЙ ВМЕСТИМОСТИ

То, что явлено во Христе,
не остаётся внешним человеку.

Полнота, явленная во Христе,
не нуждается в продолжении
и не дополняется множеством.

Но она сообщается миру
как жизнь.

Церковь не есть
только собрание верующих
и не исчерпывается
учреждением и формой.

Но она не существует
и без людей,
служения,
Предания
и видимого порядка.

Ибо то, что входит в мир,
принимает форму,
не становясь пленником формы.

Если человек был создан
как место присутствия,
а Христос есть полнота
этого места,
то Церковь есть участие многих
в едином месте,
открытом во Христе.

Не как сумма людей,
но как единое тело,
в котором различие
не разрушает единства.

Ибо каждый человек
принимает по мере,
но Церковь живёт
не сложением мер,
а общностью дара.

В ней Бог не умножается,
ибо Абсолют не делится.

И Христос не становится
частью целого,
ибо Церковь живёт
не рядом с Ним,
а в Нём.

Церковь не создаёт присутствия
и не владеет им.

Она хранит пространство,
в котором присутствие
может быть принято,
узнано
и передано.

Её видимый труд необходим:
он собирает рассеянное,
передаёт память,
служит человеку
и хранит слово.

Но форма верна себе,
пока остаётся прозрачной
тому, ради чего дана.

Когда форма
делает себя целью,
пространство сужается.

Когда дух
презирает всякую форму,
множество распадается.

И потому Церковь живёт
не в отрицании формы
и не в её обожествлении,
а в верности формы
присутствию.

Таинства не заключают Бога
в человеческую меру.

Они дают телесную форму
человеческому участию,
чтобы дар был принят
не одной мыслью,
но всем человеком.

Церковь не спасает человека
собственной силой.

Она есть место,
где человек перестаёт быть один
в своей открытости Богу.

И если она верна
своему назначению,
то исчезает не Церковь,
а всё в ней,
что пыталось встать
между Богом и человеком
как владелец присутствия.

Тогда множественность
не разрушает единства,
и единство
не уничтожает различия.

И Бог пребывает,
как пребывал,
а мир обретает способность
принять не одного,
но многих
как одно тело.

Глава 7

О МОЛИТВЕ И ТИШИНЕ КАК СОГЛАСИИ БЫТЬ

Молитва не начинается со слов
и не оканчивается молчанием.

Ибо слова могут быть без молитвы,
и молчание — без тишины.

Молитва есть не обращение к Богу
как к далёкому
и не призывание Того,
Кто отсутствует.

Она есть согласие
перестать заслонять.

Ибо Бог не скрывается,
но самость
может заслонять
Его присутствие
в человеке.

Когда человек
удерживается за слова,
он обозначает расстояние.

Когда умолкает,
он не достигает Бога —
он перестаёт быть
препятствием самому себе.

Но и слово,
отданное без присвоения,
не нарушает тишины.

Оно становится
её дыханием.

Тишина не есть пустота
и не есть отсутствие.

Она есть пространство присутствия,
в котором нечего удерживать
и нечего присваивать.

В молитве человек
не поднимается к Богу
и не вводит Бога в себя.

Он возвращает себя
в присутствие,
которое было всегда.

И тело не остаётся
за пределами молитвы.

Оно молится дыханием,
стоянием,
немощью,
трудом
и заботой.

Ибо человеческий дух,
обращённый к Богу,
становится словом
и поступком
через тело.

Поэтому подлинная молитва
не изменяет Бога
и не повелевает миром.

Она изменяет того,
кто перестаёт быть центром.

И через его слово,
руку,
верность
и заботу
мир может измениться
без насилия.

Молитва не есть только действие,
хотя она совершается.

Она не исчерпывается усилием,
хотя требует верности.

Она есть пребывание
без расчёта.

Там, где человек
требует ответа для себя,
молитва ещё не стала тишиной.

Там, где человек
может принять отсутствие ответа,
он перестаёт делать ответ
условием доверия.

Ибо Бог отвечает
не только словом
и не только знаком,
но присутствием,
которое нельзя удержать.

И если тишина кажется пустой,
возможно,
человек ещё ищет
подтверждения себе.
Но присутствие не исчезает
оттого,
что человек его не ощущает.

Когда же исчезает не человек,
а ищущий,
который хотел сделать Бога
ответом самому себе,
тишина перестаёт быть пугающей.

Она становится
домом.

И в этом доме
Бог не проявляется
как предмет созерцания
и не исчезает
как неуловимый.

Он пребывает
как Тот,
Кто никогда
не уходил.

И потому молитва
не есть путь к Богу.

Она есть возвращение человека
из рассеяния
в присутствие.

И там, где больше
не о чем просить для себя,
начинается
молитва без слов.

Эта молитва
не принадлежит человеку,
как и дыхание
не принадлежит дышащему.

Она просто
совершается.

Глава 8

О КОНЦЕ, ПОЛНОТЕ И ПОКОЕ

Конец не есть только
завершение во времени
и не есть предел движения.

Ибо то, что истинно,
не приходит к концу,
а перестаёт быть в пути.

Полнота не достигается усилием
и не собирается по частям.

Она не прибавляется
и не уменьшается.

Полнота есть узнавание того,
что всегда было дано,
но не было принято до конца.

И потому конец
не есть изменение Бога
и не есть исчезновение мира.

Это прекращение расстояния
в человеке,
который перестаёт жить так,
словно расстояние реально.

Когда человек ищет конца,
он всё ещё идёт.

Когда он ищет полноты
как приобретения,
он всё ещё считает.

Но когда прекращается
присвоение пути,
конец становится покоем.

Покой не есть неподвижность
и не есть остановка жизни.

Он есть жизнь,
которая больше
не разрывается на направления.

В покое человек
не растворяется
и не исчезает.

Исчезает не личность,
а напряжение владельца
между тем, кем он был,
и тем, кем хотел обладать.

Личность остаётся отношением,
ответом
и неповторимым присутствием.

И тогда
носящий образ Божий
не присваивает подобие,
но принимает
как дар.

И Бог не становится ближе,
потому что близость
перестаёт быть понятием.

И Бог не становится дальше,
потому что нет больше владельца,
который измеряет.

Но остаётся человек,
который отвечает.

В полноте
трансцендентное
не опускается,
а имманентное
не возносится.

Они не смешиваются
и не противопоставляются.

И потому конец мира
не есть в этом слове разрушение,
а конец разделения.

И конец времени
не есть остановка,
а конец ожидания,
которое присваивало будущее.

И Церковь не исчезает,
и человек не утрачивается.

Они перестают быть средствами
человеческого обладания
и становятся тем,
чем были задуманы.

И если можно сказать слово
о конце,
то это слово —
покой.

Не покой освобождения от тела,
не покой сна
и не покой смерти,
а покой присутствия,
которому больше
ничего не мешает.

И в этом покое
Бог остаётся Абсолютом,
человек — человеком,
и всё — тем,
чем оно было задумано
прежде,
чем возникла мысль
о разделении.

И на этом — конец слова.

Ибо там,
где полнота,
слово — тишина.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Этот текст не был написан,
чтобы что-то доказать.
И не был составлен,
чтобы чему-то научить.

Он возник,
потому что слово
на время понадобилось,
чтобы затем
стать ненужным.

Если в нём увидели учение —
оно не исчерпывает истины.
Если в нём услышали веру —
она не исчерпывается словами.

И если кто-то узнал здесь
присутствие Бога,
пусть примет его,
не пытаясь им владеть.
Ибо узнать Бога —
не значит обладать Им.

Этот трактат —
о том, как человек открывается Богу.
Ибо Бог уже присутствует
в самом человеке и во всём Творении —
прежде,
чем человек начинает Его искать.

Он лишь напоминает,
что между человеком и полнотой
никогда не пролегало расстояние —
лишь сосредоточенность на себе.

И если после чтения
осталось больше тишины,
чем мыслей,
значит слово
выполнило своё служение.

А если осталось недоумение —
пусть и оно будет сохранено,
ибо недоумение
ближе к истине,
чем самоуверенность.

И теперь
ничего не требуется.
Ни продолжения,
ни заключения,
ни согласия.

Пусть останется то,
что не нуждается
в подтверждении.

И пусть будет покой.
Не как итог,
а как узнавание.

ПРИЛОЖЕНИЕ
О ГРАНИЦАХ ЯЗЫКА

Возражения к этому трактату могут касаться не только отдельных слов, но и самой мысли, которую они выражают. Я принимаю их всерьёз. Мистический язык требует осторожности: образ легко принять за определение, а внутренний опыт — за всеобщую доктрину.

Ниже каждое возражение сопровождается пояснением. Оно показывает, что именно утверждает трактат и где проходят границы сказанного. Эти пояснения оставляют место для дальнейшего разговора.

1. Нуждается ли Бог в человеке?

Возражение

Если присутствие Бога зависит от человека, Бог оказывается зависимым от Творения. Это противоречит утверждению, что Он есть Абсолют и ни в чём не нуждается.

Пояснение

Человек не восполняет Бога и не делает Его присутствие возможным. Бог присутствует во всей полноте независимо от того, узнаёт ли Его человек.

Изменяется человек: он может закрываться от присутствия или свободно принимать его и являть в собственной жизни — в слове, поступке, отношении к другому. Поэтому речь идёт о человеческой открытости Богу, а не о недостатке в Самом Боге.

2. Можно ли говорить о Боге образами?

Возражение

Слова «место», «дыхание», «вместимость» и «прозрачность» взяты из человеческого опыта. Не переносим ли мы через них на Бога свойства вещей? Не принимаем ли собственные образы за описание Самого Бога?

Пояснение

Образы помогают говорить о встрече человека с Богом. Они описывают человеческое восприятие, а не свойства самого Бога и не исчерпывают Его тайны.

«Вместимость» здесь означает открытость человека, а «прозрачность» — способность являть присутствие, не присваивая его. Если образ начинают принимать за окончательное определение Бога, его следует отпустить. Близость к Богу не делает Его исчерпывающе понятным.

3. Не становится ли Христос лишь примером?

Возражение

Если человек назван местом соединения Божественного и человеческого, не становится ли Христос лишь одним из примеров такого соединения? Не занимает ли человеческая прозрачность место Воплощения?

Пояснение

В трактате Христос есть основание и полнота соединения. Это соединение дано Воплощением Бога; человек не создаёт его собственным восхождением.

Когда говорится о человеческой открытости и прозрачности, имеется в виду участие в том, что открыто во Христе. Человек принимает дар и отвечает на него своей жизнью. Его открытость не заменяет Воплощения и не дополняет Христа.

4. Меняется ли Бог, когда мы узнаём Его присутствие?

Возражение

Говоря о Боге как о трансцендентном и имманентном, о присутствии скрытом и явленном, не разделяем ли мы Самого Бога на разные состояния или способы бытия?

Пояснение

«Трансцендентный» означает, что Бог не является частью мира и не исчерпывается им. «Имманентный» указывает на Его присутствие в мире. Эти слова помогают говорить об отношении Бога и Творения; они не обозначают двух частей или состояний Бога.

Различие скрытого и явленного относится к человеческому восприятию и жизни. Когда присутствие становится узнанным и принятым, Бог не приобретает нового свойства. Меняется открытость человека.

5. Не становится ли тело лишь оболочкой духа?

Возражение

Если дух направляет тело, не разделяется ли человек на невидимого владельца и принадлежащий ему материальный инструмент? Не оказывается ли тело временной оболочкой, от которой нужно освободиться?

Пояснение

В трактате дух и тело мыслятся в единстве человека. Человеческий дух — не отдельный владелец, которому тело принадлежит как вещь. Он дан человеку Богом. С этой духовной глубиной трактат связывает образ Божий в человеке и его способность к живому общению с Богом.

«Дух от Духа» — так здесь выражается мысль о жизни, принятой от Бога. Это язык дара и причастности. Бог дарует жизнь, оставаясь неделимым.

В рождении свыше человек обновляется действием Святого Духа. Принятая от Бога жизнь раскрывается в нём и приносит плод. Человек становится прозрачным для Божьего присутствия: через его любовь, слово и поступок становится виден Бог. При этом человек остаётся человеком; его прозрачность не делает его Христом и не заменяет Воплощения.

Тело имеет собственное достоинство. Через него мысль становится словом, а любовь — прикосновением и поступком. Формула «Дух направляет. Тело воплощает» означает ответственность за направление всей жизни. Главенство духа не оправдывает презрения к телу или насилия над ним.

6. Не исчезает ли ответственность за зло?

Возражение

Если грех назван стеснением вместимости, не сводится ли он к внутренней закрытости? Не исчезают ли за этим образом различие между добром и злом, вина и ответственность за причинённый вред?

Пояснение

«Стеснение вместимости» означает здесь закрытость человека перед Богом и другим. Этот образ раскрывает внутреннюю сторону греха, сохраняя различие между добром и злом.

Причинённый вред остаётся реальным, а человек — ответственным за свой поступок. Внутреннее переживание не даёт права преуменьшать чужую боль или считать последствия уже преодолёнными.

Покаяние возвращает человека к Богу и открывает пространство для правды и изменения. Оно включает признание вины, отказ от причинения зла и стремление исправить причинённый вред, насколько это возможно. Так открытость Богу становится видимой в изменении жизни и отношения к другому.

7. Не превращается ли Троица в схему?

Возражение

Когда говорится, что Отец есть Источник, Сын являет Отца, а Дух делает соединение живым, не сводятся ли Лица Троицы к трём функциям? Не исчезает ли за этими словами их личное различие?

Пояснение

Эти слова помогают говорить о Божественном присутствии и соединении. Они не являются определениями Отца, Сына и Святого Духа и не исчерпывают тайны Троицы.

Отец, Сын и Святой Дух не представлены здесь как три роли безличного начала. Их личное различие сохраняется, а единое действие Бога не разделяется на три независимых действия.

Называя Святого Духа живым присутствием, трактат не сводит Его к безличной силе или внутреннему состоянию человека.

Если эти слова начинают восприниматься как исчерпывающее объяснение Троицы, следует признать предел языка. Образ может указать на тайну, но не вместить её целиком.

8. Отрицает ли трактат видимую Церковь?

Возражение

Если Церковь названа пространством прозрачности, а форма — возможной преградой, не становятся ли ненужными община, Предание, Таинства и церковное служение? Не ставится ли личный мистический опыт выше жизни Церкви?

Пояснение

Трактат сохраняет значение видимой Церкви. Община, Предание, Таинства и повседневное служение необходимы человеческому участию в её жизни. В ней человек молится вместе с другими, принимает и передаёт слово, учится любви и заботе.

Прозрачность означает здесь открытость Богу, благодаря которой через жизнь людей становится виден Бог. Люди при этом остаются людьми: их открытость не делает их Христом и не заменяет Воплощения.

Критика относится к попытке присвоить Божье присутствие — представить его своей собственностью, поставить в зависимость от человеческой власти или исчерпать установленной формой. Церковная форма сохраняет своё назначение, когда помогает человеку принять дар и жить им.

Личный духовный опыт также не даёт человеку права владеть истиной или считать собственное переживание мерой Бога. Открытость Богу сохраняет место для другого, для общей молитвы, Предания и служения.

9. Не ведёт ли тишина молитвы к бездействию?

Возражение

Если молитва понимается как тишина и неприсвоение, а мир не изменяется по нашему повелению, не ведёт ли это к бездействию перед страданием, насилием и несправедливостью? Не становится ли внутренний покой способом не слышать чужую боль?

Пояснение

В трактате тишина означает открытость Богу, в которой человек перестаёт делать собственную волю мерой происходящего. Эта открытость сохраняет внимание к другому — к его боли, нужде и достоинству.

Молитва может быть словом, просьбой, плачем или молчанием. Утверждение, что она не повелевает миром, не запрещает просить о помощи, исцелении или защите. Просьба сохраняет доверие Богу, не превращаясь в требование подчинить Его человеческому замыслу.

Молитвенная тишина помогает действовать без стремления утвердить себя за счёт другого. Она может продолжаться в заботе, защите, верности и труде. Доверие Богу не освобождает человека от ответственности за то, что он способен сделать.

Тишина не выше любви, если любовь требует слова, руки, защиты или труда.

10. Не исчезает ли личность в соединении с Богом?

Возражение

Если «владелец» и «центр» исчезают, кто остаётся? Не означает ли соединение с Богом растворение личности? И не выдаётся ли мистический опыт за доказательство жизни после смерти?

Пояснение

«Владельцем» здесь названо притязание человека быть собственным источником и центром всего. Оно выражается в стремлении подчинять себе других людей и присваивать само Божье присутствие. Исчезновение этого притязания не означает уничтожения личности.

Человек сохраняет свою неповторимость, способность любить, отвечать Богу и быть с другим. Соединение не стирает его лица. Он остаётся человеком, принимающим жизнь как дар.

Мистический опыт, о котором говорит трактат, не предлагается как научное доказательство существования сознания вне тела или жизни после смерти. Текст не объясняет устройство сознания и не описывает посмертное существование.

Смерть не объявляется иллюзией, а тело — ненужной оболочкой. Надежда воскресения выражает доверие Богу, Которому вверяется весь человек.

В завершение

Когда человек назван «местом» Божественного присутствия, речь идёт о его способности принять это присутствие и явить его своей жизнью. Бог не ограничен человеком: Он присутствует и в нём, и во всём Творении.

Слова этого трактата указывают на возможность такой жизни. Они не определяют Бога и не исчерпывают Его тайны.

За этой границей начинается тишина, которая не опровергает сказанное, но хранит его.

СОДЕРЖАНИЕ

В НАЧАЛЕ.....1

Глава 1
О ЧЕЛОВЕКЕ КАК МЕСТЕ ПРИСУТСТВИЯ.....2

Глава 2
О ХРИСТЕ КАК ПОЛНОТЕ СОЕДИНЕНИЯ.....5

Глава 3
О ТЕЛЕ КАК ФОРМЕ ПРИСУТСТВИЯ.....9

Глава 4
О СВОБОДЕ И ГРЕХЕ КАК МЕРЕ ВМЕСТИМОСТИ.....13

Глава 5
О ДУХЕ КАК ДЫХАНИИ И ВМЕСТИМОСТИ.....17

Глава 6
О ЦЕРКВИ КАК МНОЖЕСТВЕННОЙ ВМЕСТИМОСТИ.....21

Глава 7
О МОЛИТВЕ И ТИШИНЕ КАК СОГЛАСИИ БЫТЬ.....24

Глава 8
О КОНЦЕ, ПОЛНОТЕ И ПОКОЕ.....28

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....31

ПРИЛОЖЕНИЕ. О ГРАНИЦАХ ЯЗЫКА.....33

Авторское издание
священник Сергей Кауди
О ПРИСУТСТВИИ И СОЕДИНЕНИИ
Мистический трактат о Боге и Человеке
Life for God
Сан-Франциско · 2026